

А.А. ЛУКИНА, В.А. МАЛЬЦЕВА, Н.Я. РОЗЕНФЕЛЬД

СУБЪЕКТИВНАЯ СОЦИАЛЬНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ ВЫПУСКНИКОВ ВУЗОВ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ИХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ТРАЕКТОРИЙ

ЛУКИНА Анастасия Андреевна – младший научный сотрудник (aalukina@hse.ru); МАЛЬЦЕВА Вера Андреевна – кандидат экономических наук, доцент, директор Центра развития навыков и профессионального образования (vamaltseva@hse.ru); РОЗЕНФЕЛЬД Наталья Яковлевна – стажер-исследователь (nrozenfeld@hse.ru). Все – Институт образования, НИУ «Высшая школа экономики», Москва, Россия.

Аннотация. В статье на данных лонгитюда «Траектории в образовании и профессии» рассматриваются паттерны субъективной социальной мобильности выпускников российских вузов. Анализ динамики субъективных статусов, измеренных по шкале десятиступенчатой «социальной лестницы», показал, что выпускники вузов чаще остальных ощущают статусный переход вниз и не характеризуются более выраженной восходящей мобильностью или воспроизводством высокого статуса; при этом для них более характерно сохранение средних статусных позиций. Это означает, что с позиции субъективного восприятия высшее образование, во-первых, не закрепляет статусные привилегии в молодежной когорте, а во-вторых, не всегда играет роль социального лифта. Анализ паттернов мобильности в разрезе траекторий на пути в высшее образование показал, что выпускники вузов, ранее окончившие ссуз, характеризуются воспроизводством высокого статуса. С точки зрения отличий динамики субъективных статусов в короткой (бакалавриат) и длинной (магистратура) траекториях последняя оказалась более «рискованной»: выпускники магистратуры чаще перемещаются либо вверх, либо вниз по социальной лестнице. Короткие же траектории в большей мере характеризуются статусным воспроизводством. Результаты исследования предлагают новые эмпирические основания для проблематизации рассмотрения высшего образования как «однородного» уровня образования, а также однозначности его работы как социального лифта на пути к социальной мобильности.

Ключевые слова: социальная мобильность • субъективная мобильность • высшее образование • неравенство • молодежь • образовательные траектории

DOI: 10.31857/S0132162524010109

Данные по странам ОЭСР демонстрируют универсальный тренд на замедление темпов социальной мобильности: в большинстве развитых экономик наблюдается снижение или отсутствие роста классовой мобильности [OECD, 2018]. Исследования динамики социальной структуры российского общества также фиксируют ухудшение возможностей для образовательной, доходной, социально-профессиональной мобильности [Тихонова, 2021].

Помимо ухудшения работы социальных лифтов, современные тренды на рынке труда и в высшем образовании заставляют проблематизировать рассмотрение наличия вузовского диплома как однозначного фактора социальной мобильности. Во-первых, в России усиливается дисбаланс между числом лиц с высшим образованием и числом рабочих мест, предполагающих высокий уровень квалификации [Гимпельсон, Капелюшников, 2023], а значит, получение высшего образования не гарантирует высококвалифицированной, высокооплачиваемой работы. Во-вторых, исследователи фиксируют гетерогенность высшего образования в России по качеству образования [Малиновский, Шибанова, 2022],

неоднородность студенческого контингента по уровню подготовки [Загирова и др., 2019]. Это приводит к неодинаковым результатам выпускников на рынке труда: например, выпускники селективных университетов зарабатывают больше, чем выпускники неселективных вузов [Рожкова и др., 2023].

Использование диплома вуза в качестве метрики социальной мобильности также не позволяет учесть разнообразие фактических траекторий в высшем образовании [Мальцева, Розенфельд, 2022]. Заметную часть контингента российских университетов составляют те, кто поступил в вуз после окончания колледжа на базе 9 классов, а не после старшей школы; многие из них учатся не на очных программах. Четверть выпускников университетов продолжают получение высшего образования, поступив в магистратуру [там же]. Эти образовательные маршруты также неоднородны и по результатам на рынке труда: выпускники, поступившие в вуз после старшей школы, зарабатывают больше, чем те, кто совершил транзит в высшее образование после колледжа [Роцин и др., 2023], а выпускники магистратуры – больше, чем бакалавры [Рожкова и др., 2021].

В итоге о том, какие позиции в социальной иерархии занимают выпускники высшего образования, мы можем говорить преимущественно в терминах дохода. Более комплексный подход к этому вопросу предлагает рамка субъективной мобильности, в которую имплицитно входит оценка положения человека по доходу, уровню статусных притязаний, воспринимаемой возможности улучшить свой статус [Тихонова, 2018a].

В настоящем исследовании мы задаемся целью проанализировать успешность выпускников высшего образования с позиции субъективных характеристик социального статуса и совершенной мобильности, при этом учитывая гетерогенность их образовательных траекторий. Мы стремимся определить, как различия в образовательных траекториях выпускников вузов, имеющих одинаковый *объективный* статус с позиции уровня образования, сказываются на том, куда *субъективно* себя помещают выпускники на социальной лестнице.

Статья сфокусирована на следующих *исследовательских вопросах*.

1. Какова специфика паттернов субъективной мобильности выпускников российских вузов?
2. Каковы различия в паттернах субъективной мобильности у выпускников вузов, поступивших в вуз через «транзитную» (9 классов – колледж – вуз) и «академическую» траектории (11 классов – вуз)?
3. Каковы различия в паттернах субъективной мобильности у выпускников вузов, окончивших «короткие» программы бакалавриата/специалитета и «длинные» программы магистратуры?

Исследование проведено на данных десяти волн (2012–2022 гг.) национальной панели когортного исследования «Траектории в образовании и профессии». Субъективная социальная мобильность измерялась на основе оценки респондентами их текущего социального положения и положения их родителей в момент взросления респондентов; для измерений использовалась шкала «социальной лестницы» [Kelley, Evans, 1995].

Концепция субъективной социальной мобильности. С теоретической точки зрения исследование следует за традицией исследований многомерной стратификации, базовые принципы которых основаны на идеях М. Вебера [2003]. В отличие от одномерных подходов, абсолютизирующих роль одного из факторов социального положения (например, в логике марксистских подходов), в многомерной модели социальный статус определяется положением человека на нескольких «осях» социальной реальности.

В этой связи особую актуальность в современных стратификационных исследованиях приобретает изучение субъективной мобильности как возможности интегральной оценки динамики социального положения. Субъективная мобильность не предполагает оценки «объективных» перемещений индивида в разных социальных иерархиях, но отражает его собственные представления об этих перемещениях [Jackman, Jackman, 1975]. Как показывают исследования, при оценке динамики своего положения индивиды склонны

учитывать большое количество параметров, которые не сводятся к отдельным статусным метрикам [Епихина, 2023]. В этом контексте изучение субъективной мобильности позволяет преодолевать ограничения, свойственные «объективным» метрикам статуса и мобильности и расширять эвристические возможности количественных стратификационных исследований [Duru-Bellata, Kieffer, 2008].

Высшее образование и социальная мобильность. Общепринятое представление о высшем образовании как о ключевом социальном лифте находит свои эмпирические свидетельства: наличие вузовского диплома вдвое увеличивает заработки [Капелюшников, 2021]. Высшее образование также является наиболее распространенным уровнем образования среди представителей высшей социально-экономической страты [Тихонова, 2018b].

Однако классовый переход обладает более комплексной природой и характеризуется в том числе немонетарными аспектами, что усложняет характер связи высшего образования и мобильности, в частности, в ее субъективном измерении. Так, культурно-чувствительные исследования, рассматривающие процесс мобильности с перспективы самих агентов, показывают, что переход в другой класс, обеспечиваемый в том числе получением высшего образования, сопряжен с освоением принципиально новых, классово-специфичных «правил игры» и происходит с разной степенью успешности [Лукина, 2023].

Таким образом, хотя объективные индикаторы демонстрируют важную роль высшего образования в совершении социальной мобильности, специфика статусного перехода и субъективное переживание этого процесса показывает неоднозначность вклада образования в улучшение положения индивидов. Изучение субъективной мобильности отвечает на этот вызов и позволяет учитывать комплексность процессов изменения статуса, сохраняя возможность оставаться в количественной методологии.

На пути к высшему образованию: транзитная vs академическая траектории. Оптика субъективной мобильности позволяет учитывать разнообразие траекторий в высшем образовании. В последние годы российское образование перешло от массовой старшей школы и селективного приема в вузы к более селективному приему в старшую школу и сравнительно более простому переходу ее выпускников в вузы [Малиновский, Шибанова, 2022]. Помимо «академической» траектории поступления в вуз после старшей школы развивается «транзитная» – поступление в вуз после окончания колледжа [Мальцева, Шабалин, 2021]. Известно, что подобной стратегией чаще пользуются семьи, где родители имеют высокий уровень образования [Малиновский, Шибанова, 2022]. Результаты на рынке труда у выпускников двух траекторий, ведущих в вуз, различаются: выпускники, поступившие в вуз после старшей школы, зарабатывают больше [Рощин и др., 2023].

Остается неисследованным, как выпускники вузов, выбравшие разные образовательные маршруты, различаются с точки зрения социальной мобильности. Учитывая, что участники транзитной траектории «колледж – вуз» обладают относительно высоким социальным статусом [Yastrebov et al., 2018], получение высшего образования может быть актом «восстановления» (воспроизводства) социального статуса после вынужденного его понижения вследствие перехода в колледж. В случае выпускников вузов, следовавших академической траектории, результаты с точки зрения субъективной мобильности могут быть более неоднородными, чем в транзитной траектории, в силу растущей гетерогенности контингента вузов. Для менее привилегированных студентов получение диплома вуза может оказаться восходящей мобильностью, даже если их экономические результаты на рынке труда будут отставать от сверстников из более ресурсных семей. Тогда как для последних субъективная мобильность может быть как на полюсе воспроизводства, так и перемещением по социальной лестнице вниз и зависеть сугубо от успешности профессиональной траектории, так как получение высшего образования лишь выравнивает эту группу относительно родительского статуса.

Траектории обучения в высшем образовании: короткая vs длинная траектории. Исследования показывают, что постбакалаврское образование – социально детерминированная возможность, которая позволяет группам населения с высоким социальным

статусом закреплять свое положение в социальной иерархии [Малиновский, Шибанова, 2022]. Так, в магистратуре оказываются выпускники с более высокими академическими способностями и статусом [Мальцева, Розенфельд, 2022], в том числе проявляющимся в высоких образовательных притязаниях родителей [Чиркина, Гусейнова, 2021]. Короткая и длинная траектории в высшем образовании имеют различную результативность: получение постбакалаврского образования позволяет занимать более высокопроизводительные места с высокой заработной платой [Wakeling, Laurison, 2017; Рожкова и др., 2021]. Однако экономические результаты от получения диплома магистра выражено неравномерны по профессиональным сферам [Altonji, Zhong, 2021].

Принимая во внимание привилегированность трека магистров и неравномерность отдачи от магистерского диплома, можно предположить, что недавние выпускники магистратуры могут не сразу ощутить прирост в социальном статусе и достичь искомого воспроизводства или восходящей мобильности. На это также может воздействовать вынужденное нахождение магистрантов в частичной занятости во время обучения, то есть состояние «зажатости» между мирами учебы и работы – 78% магистрантов совмещают учебу и работу [Рощин и др., 2022]. На этом фоне участники короткого трека в высшем образовании (бакалавры), которые имеют более длительный опыт работы без обучения, чем только получившие диплом магистра, с точки зрения социальной мобильности могут быть успешнее и чаще фиксировать перемещение наверх.

Эмпирическая база исследования. Анализ осуществлен на данных исследования «Траектории в образовании и профессии»¹ (далее – ТрОП). ТрОП является национально репрезентативной панелью когорты восьмиклассников 2011 года (1995–1996 гг. рождения), которые стали участниками международных тестирований TIMSS и PISA и ежегодно опрашиваются. Дизайн ТрОП направлен на фиксацию процесса формирования образовательных и карьерных траекторий молодежи.

В работе используются две выборки. Первая – полная выборка десятой волны лонгитюда (3560 наблюдений). Сопоставление когорты 25-летних из десятой волны ТрОП с когортой 25–29-летних из Всероссийской переписи населения 2020 года по наивысшему уровню образования выявило смещенность данных ТрОП в сторону более высокообразованной молодежи (рис. 1). Смещенность накладывает ограничение на генерализацию результатов относительно субъективного статуса и мобильности молодежи, однако основной

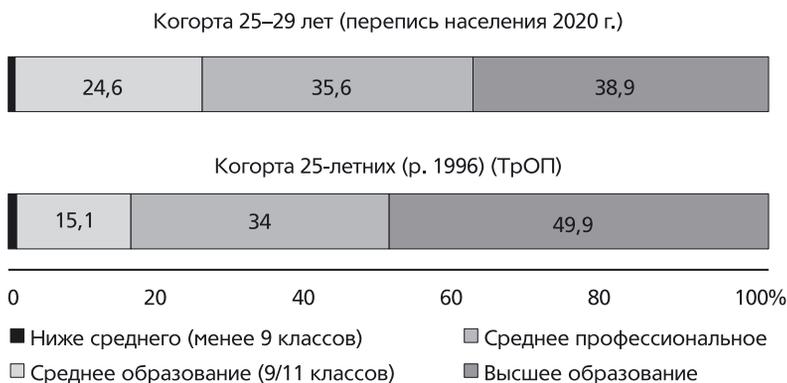

Рис. 1. Наивысший уровень образования 25-летних, % от выборки²

¹ Исследование проводит Институт образования НИУ ВШЭ: <http://trec.hse.ru/>

² Данные по когорте 25–29 лет взяты из данных Всероссийской переписи населения 2020 года (https://rosstat.gov.ru/vpn_popul). Данные ТрОП по когорте 25-летних – на основе расчетов авторов.

фокус исследования направлен на выпускников вузов, что нивелирует этот недостаток в отношении результатов, касающихся высокообразованной подвыборки ТрОП.

Вторая выборка состоит из участников десятой волны ТрОП, получивших высшее образование (1776 наблюдений). На этих данных выделены две развилки в образовательных траекториях выпускников вузов: поступление в вуз после старшей школы или колледжа; короткое (бакалавриат/специалитет) или длительное (магистратура) высшее образование.

Использованные переменные. Субъективная мобильность измерялась на основе оценки респондентами их текущего социального положения (на 2022 год) и положения их родителей в момент взросления респондентов (на конец 2000-х – 2014 г.). В основе оценки лежит шкала «социальной лестницы», традиционно используемая в исследованиях для оценки субъективного социального статуса [Kelley, Evans, 1995] (рис. 2). Оценка родительского социального статуса приходится на период экономического роста страны, высоких отдач от высшего образования [Лукиянова, 2010], в то время как замер статуса самих респондентов пришелся на значительно менее экономически благополучный период. Это могло сказаться на увеличении разрыва между родительским и собственным статусом и сместить результаты оценок паттернов мобильности в пользу более пессимистичных.

На первом этапе анализа паттернов мобильности было выделено три статусных ступени – низ (1–4 ступени), середина (5–6) и верх (7–10). Решение о такой разбивке было принято на основе изучения распределений и описательных статистик переменных (табл. 1).

На следующем этапе были выделены паттерны мобильности, в зависимости от того, поменялась ли принадлежность респондента к одной из трех статусных групп (на основе сравнения собственного и родительского статуса). Было выделено девять паттернов мобильности, по три на каждый вид перехода: статусное воспроизводство в случае

Таблица 1

Описательная статистика по переменным субъективного статуса

	Родительский статус	Собственный статус
Средние значения	5,24	5,33
Стандартные отклонения	1,983	1,83
Дисперсия	3,933	3,35
25%	4	4
50%	5	5
75%	7	7

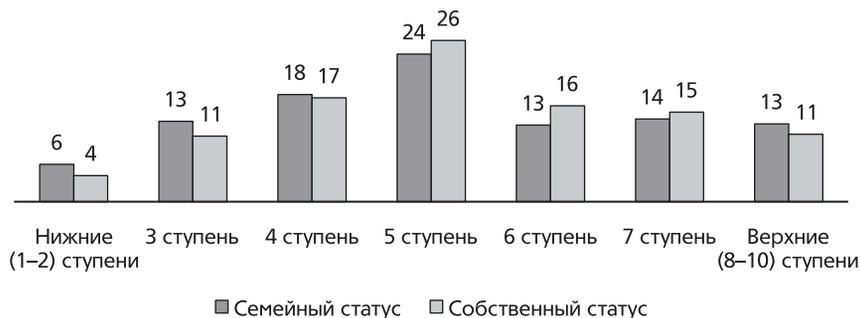

Рис. 2. Распределение оценок субъективного статуса молодежи, % (N = 3560)

Таблица 2

Логика конструирования паттернов мобильности

Родительский статус в процессе взросления	Текущий социальный статус	Тип перехода	Тип мобильности
1–4 ступени	1–4 ступени	Воспроизводство – низ	Воспроизводство
5–6 ступени	5–6 ступени	Воспроизводство – середина	
7–10 ступени	7–10 ступени	Воспроизводство – верх	
1–4 ступени	5–6 ступени	Низ – середина	Восходящая мобильность
1–4 ступени	7–10 ступени	Низ – верх	
5–6 ступени	7–10 ступени	Середина – верх	
5–6 ступени	1–4 ступени	Середина – низ	Нисходящая мобильность
7–10 ступени	5–6 ступени	Верх – середина	
7–10 ступени	1–4 ступени	Верх – низ	

сохранения принадлежности к одной из трех статусных групп, восходящая мобильность и нисходящая мобильность (табл. 2).

Ввиду малой наполненности отдельных паттернов восходящей и нисходящей мобильности (рис. 3), они были объединены в две большие группы – восходящую и нисходящую мобильность. Три типа воспроизводства рассматривались отдельно, ввиду необходимости дифференциации характера «наследования» разных статусных позиций [Тихонова, 2021].

В результате анализ проводился с использованием пяти паттернов мобильности: трех типов воспроизводства, восходящей и нисходящей мобильности (рис. 4).

Объективный социальный статус. Уровень образования родителей респондента использовался в качестве индикатора объективного социального статуса семьи (1 – оба родителя имеют высшее образование; 0 – хотя бы один из родителей не имеет высшего образования). Данная переменная была создана из ответов респондентов в десятой волне об образовании отца и матери или лиц, их заменяющих, используя заполнение пропущенных значений при помощи аналогичных переменных из опросников PISA и TIMSS.

Рис. 3. Доли респондентов с разными паттернами мобильности, полная выборка (N = 3560) и подвыборка выпускников вузов (N = 1776), % от выборки

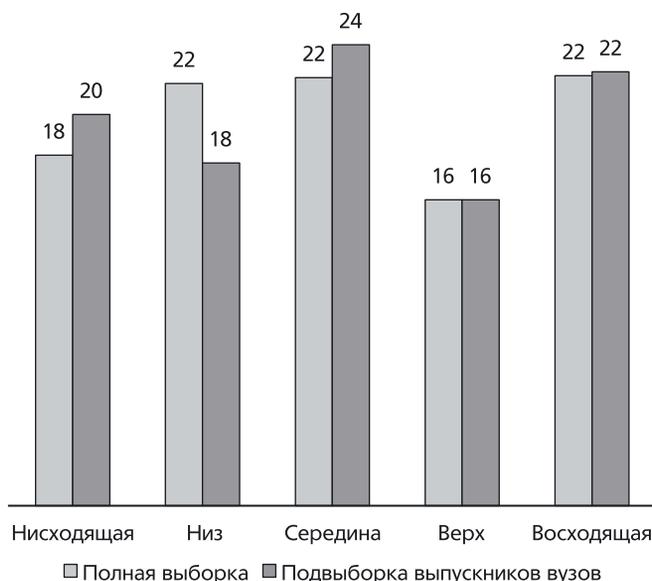

Рис. 4. Доли респондентов с итоговым набором паттернов мобильности, полная выборка ($N = 3560$) и подвыборка выпускников вузов, десятая волна ТрОП ($N = 1776$), % от выборки

Уровень образования и образовательные траектории. Измерение уровня достигнутого образования и разделение на образовательные траектории (транзитную/академическую и длинную/короткую) проводились на основе вопроса о наивысшем уровне образования в десятой волне ТрОП (1 – общее среднее и ниже; 2 – среднее профессиональное; 3 – высшее и выше).

В транзитную траекторию вошли те, кто хотя бы в одной волне до десятой указывал среднее профессиональное образование как наивысший достигнутый уровень образования; остальным выпускникам был присвоен академический трек. Категории бакалавриата и специалитета были закодированы как короткая траектория, категории магистратуры, аспирантуры и интернатуры/ординатуры – как длинная³.

Результаты исследования: субъективный статус молодежи в разрезе уровней образования. Большая часть российской молодежи (42%) определяет свой статус как средний, треть – низкий. Наименее наполненной оказалась высшая ступень социальной лестницы (26%) (рис. 5). Примечательно различие в распределении оценок личного и родительского статуса – 25-летние чаще оценивали свой статус как средний и реже – как низкий. Однако на высшей ступени социальной лестницы различий в распределении оценок своего и родительского статуса не отмечается.

Оценки статуса в разрезе уровня образования показывают дифференциацию в нижних и средних статусных ступенях. Среди принадлежащих к нижним социальным ступеням значимо меньше лиц с высшим образованием и значимо больше тех, кто окончил программы СПО (рис. 6). Выпускники вузов, хотя чаще остальных обнаруживают себя на средних социальных позициях, не отличаются высокой привилегированностью: субъективная принадлежность к высшим стратам не варьируется в зависимости от уровня образования.

³ По данным 10-й волны ТрОП, выпускники, получившие постбакалаврское образование, отличное от магистратуры, составляют 5% от всех представителей «длинной» траектории. По этой причине для упрощения эта траектория рассматривается в тексте как траектория магистров.

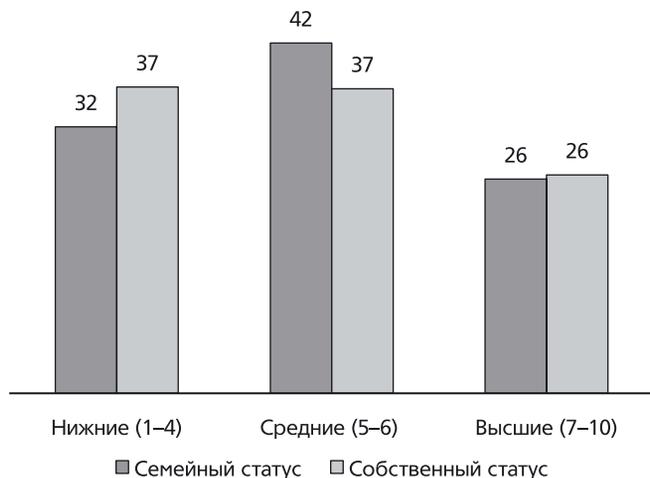

Рис. 5. Самооценка собственного и родительского статуса по трем статусным ступеням, % от участников (N = 3560)

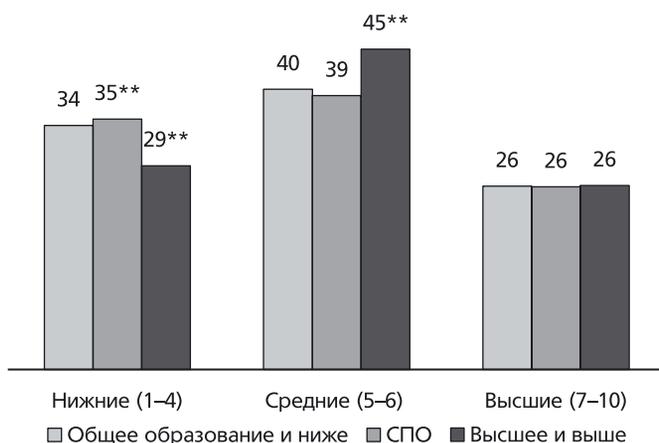

Рис. 6. Оценка субъективного статуса по трем статусным ступеням в зависимости от уровня образования⁴, % от участников (N = 3560)

Примечание. Здесь и далее ** – $p \leq 0,01$.

Рассматривая оценки родительского статуса, можно обнаружить специфику группы выпускников СПО: среди них значительно больше тех, кто находился на нижних социальных ступенях в период взросления, и меньше тех, кто оценил позицию своей семьи как среднюю (рис. 7). В отношении выпускников вузов статистически значимо лишь то, что представители этой группы значительно реже относят себя к выходцам из нижних социальных страт.

Субъективная мобильность молодежи в разрезе уровней образования. Общая картина по субъективной социальной мобильности 25-летних (рис. 8) демонстрирует преобладание паттерна воспроизводства (60%). Это соотносится с результатами предыдущих исследований на общероссийских данных, показавших превалирование статусной иммобильности

⁴ Здесь и далее значимость различий рассчитывалась с применением критерия χ^2 .

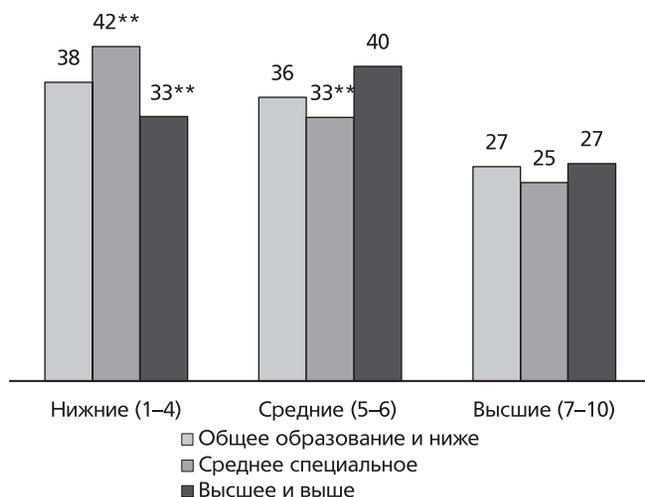

Рис. 7. Оценка субъективного родительского статуса в зависимости от уровня образования, % от участников (N = 3560)

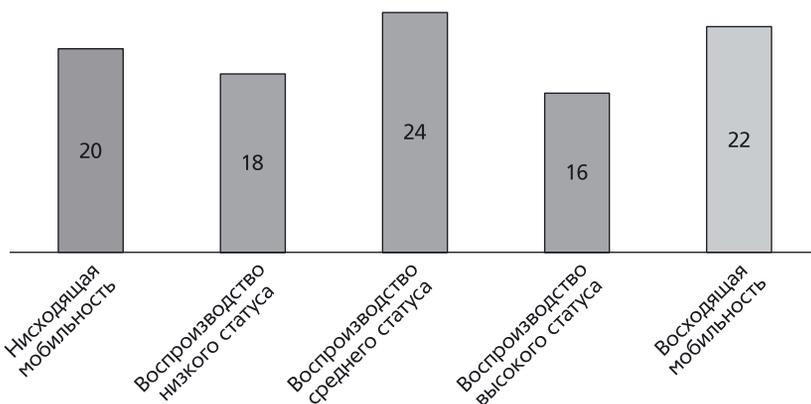

Рис. 8. Субъективная социальная мобильность 25-летних, % от участников (N = 3560)

россиян [Мареева и др., 2022]. Доля демонстрирующих восходящую мобильность (22%) несколько превосходит долю тех, кто совершил статусный переход вниз (18%).

Рассмотрение паттернов мобильности в разрезе уровня образования (табл. 3) показывает, что выпускники вузов реже, по сравнению с остальными, характеризуются статусным воспроизводством. При рассмотрении разных типов воспроизводства обнаруживаются более тонкие межгрупповые различия: обладатели высшего образования значимо чаще воспроизводят именно средний статус и значимо реже – низкий.

Наиболее примечательны паттерны распространенности нисходящей мобильности: выпускники вузов значимо чаще (в 20% случаев) характеризуются статусным переходом вниз (табл. 3). Значимо реже такой паттерн встречается среди выпускников колледжей. Восходящая же мобильность относительно равномерно представлена во всех образовательных группах.

Более пристальное внимание к паттернам переходов позволяет увидеть специфику обнаруженной нисходящей мобильности среди выпускников вузов (рис. 9). Обладатели

Таблица 3

**Субъективная социальная мобильность 25-летних по уровням образования,
% от участников (N = 3560)**

Паттерн мобильности	Наивысший уровень образования		
	среднее образование	среднее профессиональное образование	высшее образование
Воспроизводство социального статуса, все	61,6	61,8**	57,4**
низкий	38,6	42,8**	30,9**
средний	35,2	31,4**	41,5**
высокий	26,2	25,7	27,6
Нисходящая мобильность	18	15,1**	20,2**
Восходящая мобильность	20,4	23,1	22,4
Доля респондентов, у которых оба родителя имеют высшее образование	11,4	6,2	25,9
Количество наблюдений, ед.	536	1207	1777
Доля в выборке	15,2	34,3	50,5

высшего образования чаще попадают во все три типа переходов вниз. Наибольший отрыв от общей выборки наблюдается в переходе из высшей в среднюю страту и составляет 8 п.п. Таким образом, нисходящая мобильность выпускников во многом связана с «выпадением» из высшей страты в среднюю к 25 годам.

Учет объективного социального статуса родителей во многом проясняет дифференциацию паттернов мобильности. Так, у четверти выпускников вузов фиксируется высокий социальный статус семьи (табл. 3). Это объясняет ситуацию с низкой

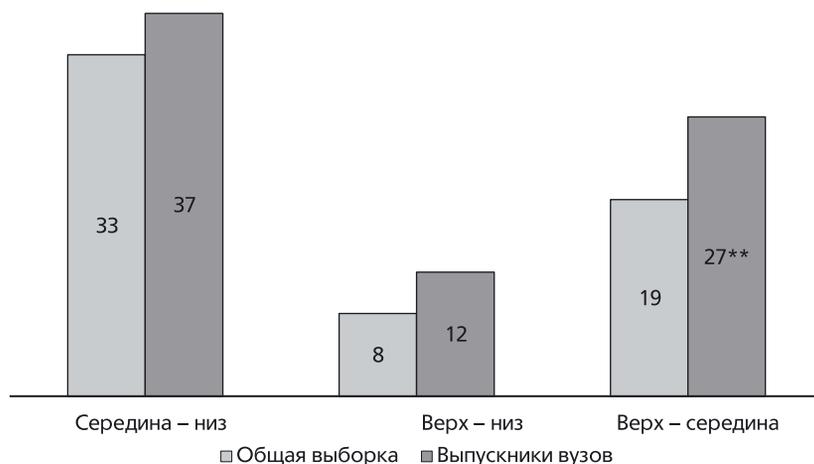

Рис. 9. Паттерны нисходящей мобильности молодежи, % от участников

Примечание. Доли рассчитывались от суммы переходов, ведущих в каждую из ступеней (на графике – вниз и середину). Например, из всех переходов, ведущих вниз, на выборке выпускников вузов переход «верх-низ» составляет 12%.

Таблица 4

Типы образовательных траекторий выпускников вузов

Тип образовательной траектории выпускников вузов	Количество наблюдений	Доля в выборке, %
<i>Траектории, ведущие в высшее образование</i>		
Высшее образование после 11 класса (академическая траектория)	1466	82,6
Высшее образование после СПО (транзитная траектория)	309	17,4
<i>Траектории внутри высшего образования</i>		
Бакалавриат (специалитет) – наивысший уровень образования	1358	76,4
Магистратура – наивысший уровень образования	419	23,6

распространенностью воспроизводства низкого статуса и, с другой стороны, может отчасти объяснять значимо более высокую долю субъективной нисходящей мобильности в данном треке – выпускники вузов к 25 годам из верхней страты не успевают «догнать» родительский статус.

Особенности социальной мобильности выпускников вузов. Среди траекторий на пути в вуз наиболее распространен академический трек (83%) (табл. 4). Внутри высшего образования наиболее распространенным является окончание программы бакалавриата (76%).

Траектории, ведущие в высшее образование. Обе траектории, ведущие в высшее образование, выглядят практически идентично с точки зрения мобильности (рис. 10). Однако за счет того, что в траектории «11 классов – вуз» значительно больше детей, у которых родители имеют высшее образование (28% против 18% у участников траектории «колледж – вуз»), значимо чаще нисходящая мобильность встречается в академической траектории.

Рассмотрение паттернов воспроизводства социального статуса также показывает значимые различия между академической и транзитной траекториями: в последней значимо чаще происходит воспроизводство высокого статуса (рис. 10). Получение высшего образования путем транзита из колледжа в вуз в большей степени, чем через старшую школу, связан с закреплением статусных преимуществ. Это соответствует предшествующим исследованиям, показывающим, что транзит в высшее образование детей из семей с высоким образовательным капиталом является страховочной стратегией от риска непоступления в университет, и даже в случае отсутствия такой стратегии высокообразованные родители ожидают от своих детей, обучающихся на программах СПО, дальнейшего продолжения обучения в вузе [Yastrebov et al., 2018].

Рис. 10. Субъективная социальная мобильность выпускников вузов к 25 годам в разрезе образовательных траекторий, ведущих в высшее образование, % (N = 1776)

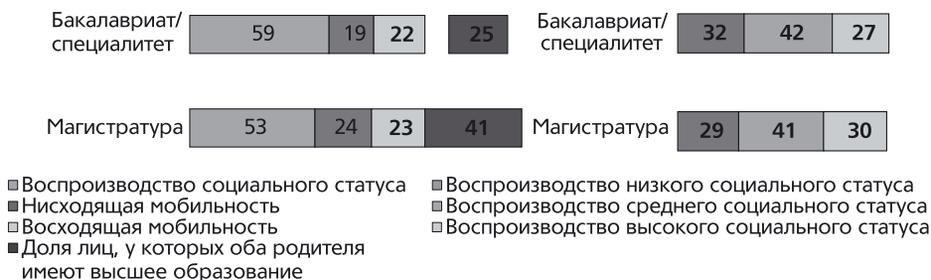

Рис. 11. Субъективная социальная мобильность выпускников вузов к 25 годам в разрезе образовательных траекторий внутри высшего образования, доля участников траектории, % (N = 1776)

Траектории внутри высшего образования. Гетерогенность паттернов мобильности выпускников вузов ярко проявляется в траекториях внутри высшего образования (рис. 11). Нисходящая мобильность значительно чаще встречается среди выпускников магистратуры по сравнению с треками бакалавров. Здесь характерно различие между социальным статусом семьи – в треке магистров у 41% оба родителя имеют высшее образование против 25% в треке бакалавров. Таким образом, наиболее высокообразованные 25-летние из высокоресурсных семей чаще демонстрируют субъективный статусный переход вниз, «неотягивание» до статуса родителей. Это может говорить как о рассогласовании образовательной и социальной мобильности (как минимум в ситуации недавнего выхода из системы образования), так и подтверждать тезис о слабости метрики уровня образования для измерения мобильности.

В распространенности статусного воспроизводства в траекториях магистров и бакалавров также отмечаются значимые отличия – короткий трек в высшем образовании чаще связан с сохранением статусных позиций (рис. 11). Это может говорить о том, что получение высшего образования стало необходимостью для сохранения даже средних позиций в социальной иерархии.

Дискуссия. В ходе исследования обнаружилось, что с точки зрения субъективной мобильности высшее образование позволяет скорее занимать средние статусные позиции и не связано с переходом в высокие, по крайней мере, к 25 годам. На высоких позициях в социальной иерархии в равной степени представлена молодежь с разнообразным образовательным опытом. Несмотря на то что преобладающий паттерн мобильности в обществе в целом и в данной молодежной группе – это сохранение позиций, выпускники высшего образования реже остальных воспроизводят родительский статус, а если и происходит воспроизводство, то именно среднего статуса.

Выпускники вузов чаще своих сверстников с более низким уровнем образования оказываются в ситуации нисходящей мобильности, то есть к 25 годам не достигают родительских позиций, в частности, за счет перехода из высших ступеней в средние. Таким образом, мы выявили, что получение высшего образования в молодежной когорте в большей степени связано со средними статусами в социальной иерархии и не гарантирует сохранения или перехода к высоким статусам (см. также: [Gugushvili, 2021]). Это согласуется с выводом из стратификационных исследований о том, что образование утрачивает свою роль в субъективной оценке статуса и в абсолютной восходящей мобильности, уступая доходу и материальному благосостоянию [Тихонова, 2018а].

Второй комплекс результатов связан с различиями паттернов мобильности в зависимости от траекторий в высшем образовании. Во-первых, транзитная траектория (колледж – вуз) в большей мере, чем академическая (старшая школа – вуз), выступает инструментом воспроизводства высокого статуса. Это соответствует предыдущим исследованиям, показавшим, что транзитный трек не является искомым инструментом мобильности

для выходцев из менее ресурсных семей, а напротив, работает на сохранение статусных преимуществ [Yastrebov et al., 2018]. Полученные результаты позволяют уточнить наш вывод о том, что высшее образование в большей степени связано со средними статусами и не гарантирует переход к высоким статусам. Не просто получение высшего образования, а именно наиболее массовая академическая траектория представляет собой инструмент сохранения среднего статуса и в наименьшей степени – канал перемещения вверх.

Во-вторых, короткие траектории (бакалавриат или специалитет) в большей степени связаны с сохранением статуса, нежели с восходящей мобильностью. В свою очередь, длинная траектория оказывается более «рискованной»: в ней чаще случается перемещение либо вверх, либо вниз. Это не позволяет назвать магистратуру фактором субъективной мобильности, несмотря на эмпирически зафиксированную отдачу от диплома магистра [Рожкова и др., 2021]. Однако здесь также важно учитывать высокий стартовый статус выпускников магистратуры – к 25 годам им сложнее достигнуть родительского уровня, в том числе учитывая отложенный выход на рынок труда, недостаточное количество времени для капитализации человеческого капитала.

В исследовании роли образования в субъективной мобильности мы обращаемся к анализу молодежной когорты – участникам панели на момент измерения мобильности было около 25 лет. Это может восприниматься как ограничение, поскольку рост зарплат продолжается и по достижении этого возраста [Гимпельсон, 2019]; для некоторых групп сохраняются шансы на повышение статуса. Тем не менее, как показывают стратификационные исследования, даже по прошествии времени остаются устойчивыми паттерны внутрикогортного доходного неравенства [Cheng, 2014]. Дальнейшие исследования могут быть направлены на оценку мобильности в более зрелых возрастах, чтобы говорить о долгосрочных эффектах специфики образовательной траектории на субъективную мобильность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Вебер М. Класс, сословия, партии (фрагменты из книги «Хозяйство и общество») // Личность. Культура. Общество. 2003. Т. 5. № 1–2 (15–16). С. 139–156.
- Гимпельсон В.Е. Возраст и заработная плата: стилизованные факты и российские особенности // Экономический журнал ВШЭ. 2019. № 2. С. 185–237.
- Гимпельсон В.Е., Капелюшников Р.И. Эволюция структуры рабочих мест в России: поляризация, улучшение, застой? // Вопросы экономики. 2023. № 1. С. 59–85.
- Епихина Ю.Б. Благополучие как показатель субъективной мобильности // Мир России. Социология. Этнология. 2023. Т. 32. № 3. С. 97–118.
- Загирова Ф.Р., Романенко К.Р., Макарьева А.Ю. «И все такие разные». Академическая неоднородность студентов: анализ, восприятие, практики Вып. 4(25). М.: НИУ ВШЭ, 2019.
- Капелюшников Р.И. Отдача от образования в России: ниже некуда?: препринт WP3/2021/03/. М.: НИУ ВШЭ, 2021.
- Лукина А.А. Образовательные траектории студентов первого поколения как кейс неравенства в высшем образовании // Вопросы образования. 2023. № 2. С. 133–160.
- Лукьянова А.Л. Отдача от образования: что показывает мета-анализ // Экономический журнал Высшей школы экономики. 2010. Т. 14. № 3. С. 326–348.
- Малиновский С.С., Шибанова Е.Ю. Доступность высшего образования в России: как превратить экспансию в равенство. Вып. 7(67): Современная аналитика образования. М.: НИУ ВШЭ, 2022.
- Мальцева В.А., Шабалин А.И. Не-обходной маневр, или бум спроса на среднее профессиональное образование в России // Вопросы образования. 2021. № 2. С. 10–42.
- Мальцева В.А., Розенфельд Н.Я. Траектории российской молодежи в образовании и профессии на материале лонгитюда: сложные маршруты выпускников вузов // Вопросы образования. 2022. № 3. С. 99–148.
- Мареева С.В., Слободенюк Е.Д., Аникин В.А. Толерантность к социальным неравенствам в эпоху неопределенности в России: важна ли субъективная мобильность? // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 1. С. 39–60.

- Рожкова К.В., Роцин С.Ю., Солнцев С.А., Травкин П.В. Дифференциация качества высшего образования и заработных плат выпускников в России // Вопросы образования. 2023. № 1. С. 161–190.
- Рожкова К.В., Роцин С.Ю., Солнцев С.А., Травкин П.В. Отдача на магистерскую степень на российском рынке труда // Вопросы экономики. 2021. № 8. С. 69–92.
- Роцин С.Ю. и др. Выпускники высшего образования на российском рынке труда: тренды и вызовы: докл. к XXIII Ясинской (Апрельской) междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 2022 г. М.: НИУ ВШЭ, 2022.
- Роцин С.Ю. и др. Выпускники среднего профессионального образования на российском рынке труда: докл. к XXIV Ясинской (Апрельской) междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 2023 г. М.: НИУ ВШЭ, 2023.
- Тихонова Н.Е. Межпоколенческое воспроизводство профессиональных статусов и классовой принадлежности в современном российском обществе // Вопросы теоретической экономики. 2021. № 2. С. 61–78.
- Тихонова Н.Е. Модель субъективной стратификации российского общества и ее динамика. Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2018а. № 1–2(126). С. 17–29.
- Тихонова Н.Е. Стратификация по жизненным шансам массовых слоев современного российского общества. Социологические исследования, 2018б. № 6(6). С. 53–65.
- Чиркина Т.А., Гусейнова А.Г. Социальная дифференциация образовательных планов при поступлении в вузы: информационный бюллетень / Под ред. Я.И. Кузьминова. Вып. 12. М.: НИУ ВШЭ, 2021.
- Altonji J.G., Zhong L. The Labor Market Returns to Advanced Degrees // Journal of Labor Economics. 2021. No. 39(2). P. 303–360.
- Cheng S. A life course trajectory framework for understanding the intracohort pattern of wage inequality // American Journal of Sociology. 2014. No. 120(3). P. 633–700.
- Duru-Bellat M., Kieffer A. Objective/subjective: The two facets of social mobility // Sociologie du travail. 2008. No. 50(4). P. e1–e18.
- Gugushvili A. Why do people perceive themselves as being downwardly or upwardly mobile? // Acta Sociologica. 2021. No. 64(1) P. 3–23.
- Jackman M., Jackman R. An Interpretation of the Relation Between Objective and Subjective Social Status // American Sociological Review. 1973. Vol. 38 (October).
- Kelley J., Evans M.D.R. Class and Class Conflict in Six Western Nations // American Sociological Review. 1995. No. 60. P. 157–178.
- OECD. Broken Social Elevator?: How to Promote Social Mobility. OECD Publishing, 2018.
- Wakeling P., Laurison D. Are postgraduate qualifications the 'new frontier of social mobility'? // The British Journal of Sociology. 2017. Vol. 68. No. 3. P. 533–555.
- Yastrebov G., Kosyakova Y., Kurakin D. Slipping Past the Test: Heterogeneous Effects of Social Background in the Context of Inconsistent Selection Mechanisms in Higher Education // Sociology of Education. 2018. Vol. 91. No. 3. P. 224–241.

Статья поступила: 14.08.23. Финальная версия: 30.10.23. Принята к публикации: 07.12.23.

SUBJECTIVE SOCIAL MOBILITY OF UNIVERSITY GRADUATES THROUGH THE LENSES OF THEIR EDUCATIONAL TRAJECTORIES

LUKINA A.A.*, MALTSEVA V.A.*, ROZENFELD N.Ya.*

*HSE University, Russia

Anastasiia A. LUKINA, Junior Research Fellow (aalukina@hse.ru); Vera A. MALTSEVA, PhD, Director of the Centre for Skills Development and Vocational Education (vamaltseva@hse.ru); Natalya Ya. ROZENFELD, Research Intern (nrozenfeld@hse.ru). All – Institute of Education, HSE University Moscow, Russia.

Acknowledgements. The research was supported by RSF. Project No. 22-18-00533.

Abstract. The article examines patterns of subjective social mobility of Russian universities' graduates based on the longitudinal database "Trajectories in education and career". Using a scale of a ten-step "social ladder" the following results were obtained. First, university graduates are more likely to experience a downward status transition and are unlikely exposed to a pronounced upward mobility or reproduction of high status; so they are more often characterized by immobility in average status positions. Higher education does not consolidate status privileges in the youth cohort and does not always play the social elevator role. Second, the analysis of mobility patterns in the context of trajectories on the way to university showed that university graduates previously graduated from high school are characterized by reproduction of high status. Last, trajectories with master's degree turned out to be more "risky" than with only baccalaureate: master's degree graduates are more likely to move either up or down the social ladder, while undergraduate trajectories are more characterized by status reproduction. The results of the study offer new empirical ground to consider higher education as a "non-homogeneous" level of education and its ambiguous role in social mobility.

Keywords: social mobility, subjective mobility, higher education, youth, educational trajectories.

REFERENCES

- Altonji J.G., Zhong L. (2021) The Labor Market Returns to Advanced Degrees. *Journal of Labor Economics*. No. 39(2): 303–360.
- Cheng S. (2014) A life course trajectory framework for understanding the intracohort pattern of wage inequality. *American Journal of Sociology*. No. 120(3): 633–700.
- Chirkina T.A., Guseynova A.G. (2021) Social differentiation of educational plans for admission to universities. *Monitoring of education markets and organizations bulletin*. No. 12. Moscow: NIU VSHE. (In Russ.)
- Duru-Bellat M., Kieffer A. Objective/subjective: The two facets of social mobility. *Sociologie du travail*. 2008. Vol. 50. No. 4: e1–e18.
- Epikhina Y.B. (2023) Well-being as an Indicator of Subjective Mobility. *Mir Rossii. Sociologiya. Etnologiya* [Universe of Russia. Sociology. Ethnology]. No. 32(3): 97–118. (In Russ.)
- Gimpelson V.E. (2019) Age and Wage: Stylized Facts and Russian Evidence. *Ekonomicheskii zhurnal VSHE* [HSE Economic Journal]. No. 2: 185–237. (In Russ.)
- Gimpelson V.E., Kapeliushnikov R.I. (2023) Job structure evolution in Russia: Polarization, upgrading, stalemate? *Voprosy ekonomiki* [Questions of Economic]. No. 1: 59–85. (In Russ.)
- Gugushvili A. (2021) Why do people perceive themselves as being downwardly or upwardly mobile? *Acta Sociologica*. No. 64(1): 3–23.
- Jackman M., Jackman R. (1973) An Interpretation of the Relation Between Objective and Subjective Social Status. *American Sociological Review*. Vol. 38 (October).
- Kapeliushnikov R.I. (2021) *Returns to Education in Russia: Nowhere Lower?* Working Paper WP3/2021/03. Moscow: VSHE. (In Russ.)
- Kelley J., Evans M.D.R. (1995) Class and Class Conflict in Six Western Nations. *American Sociological Review*. No. 60: 157–178.
- Lukina A.A. (2023) Educational Trajectories of First-Generation Students as a Case of Inequality in Higher Education. *Voprosy obrazovaniya* [Educational Studies]. No. 2: 133–160. (In Russ.)
- Lukyanova A.L. (2010) Returns to education in Russia: Evidence from meta-analysis. *Ekonomicheskii zhurnal VSHE* [HSE Economic Journal]. No. 14(3): 326–348.
- Malinovskiy S.S., Shibanova E.Yu. (2022) *Access to higher education in Russia: how to turn expansion into equality*. Vol. 7(67). Modern education analytics. Moscow: NIU VSHE. (In Russ.)

- Maltseva V.A., Rozenfeld N.Ya. (2022) Educational and Career Trajectories of the Russian Youth in a Longitudinal Perspective: A Case of University Graduates. *Voprosy obrazovaniya* [Educational Studies]. No. 3: 99–148. (In Russ.)
- Maltseva V.A., Shabalin A.I. (2021) The non-bypass trajectory, or the boom in demand for TVET in Russia. *Voprosy obrazovaniya* [Educational Studies]. No. 2: 10–42. (In Russ.)
- Mareeva S.V., Slobodenyuk E.D., Anikin V.A. (2022) Public tolerance for social inequalities in turbulent Russia: reassessing the role of subjective mobility. *Monitoring obschestvennogo mneniya: ekonomicheskie i socialnye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]. No. 1: 39–60. (In Russ.)
- OECD. (2018) Broken Social Elevator?: How to Promote Social Mobility. *OECD Publishing*.
- Roshchin et al. (2022) *Graduates of higher education in the Russian labor market: trends and challenges*. Moscow: NIU VSHE. (In Russ.)
- Roshchin et al. (2023) *Graduates of secondary vocational education in the Russian labor market*. Moscow: NIU VSHE. (In Russ.)
- Rozhkova K., Roshchin S., Solntsev S.A., Travkin P.V. (2021) The return to master's degree in the Russian labor market. *Voprosy obrazovaniya* [Educational Studies]. No. 8: 69–92. (In Russ.)
- Rozhkova K.V., Roshchin S.Yu., Solntsev S.A., Travkin P.V. (2023) The Differentiation of Quality in Higher Education and Graduates' Wages in Russia. *Voprosy obrazovaniya* [Educational Studies]. No. 1: 161–190. (In Russ.)
- Tikhonova N.Ye. (2018a) Subjective stratification of Russian society model and its dynamic. *Vestnik obshchestvennogo mneniya. Dannye. Analiz. Diskussii* [Bulletin of public opinion. Data. Analysis. Discussions]. No. 1–2(126): 17–29. (In Russ.)
- Tikhonova N.Ye. (2018b) Stratification by life chances of mass strata in modern Russian society. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 6: 53–65.
- Tikhonova N.Ye. (2021) Intergenerational reproduction of professional statuses and class in modern Russian society. *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki* [Questions of Theoretical Economics]. No. 2: 61–78. (In Russ.)
- Wakeling P., Laurison D. (2017) Are postgraduate qualifications the 'new frontier of social mobility'? *The British journal of sociology*. Vol. 68(3): 533–555.
- Weber M. Class, Status, Parties (fragments from the book "Economy and Society"). *Lichnost. Kultura. Obschestvo* [Personality. Culture. Society]. Vol. 5. No. 1–2 (15–16): 139–156.
- Yastrebov G., Kosyakova Y., Kurakin D. (2018) Slipping Past the Test: Heterogeneous Effects of Social Background in the Context of Inconsistent Selection Mechanisms in Higher Education. *Sociology of Education*. Vol. 91. No. 3: 224–241.
- Zagirova F.R., Romanenko K.R., Makareva A.Yu. (2019) "Everyone is so different" Academic heterogeneity of students: analysis, perception, practices. Vol. 4 (25). Moscow: NIU VSHE. (In Russ.)

Received: 14.08.23. Final version: 30.10.23. Accepted: 07.12.23.